

Владимир Замышляев

От Тигра и Евфрата до Енисея

У людей, как известно, короткая память. Они быстро забывают о днях минувших, а что уж говорить о тысячелетиях. Обычному человеку, не обременённому грузом истории, наверное, и не надо опускаться в глубину веков. Но тем, кто учит людей («учитель, перед именем твоим позовь смиренно преклонить колени»), просвещает «массы», управляет ими, надо бы заглядывать в древние источники мудрости. Увы, в наше время вся мыслительная деятельность ограничивается часто одной неделей или от выборов до выборов, или, в лучшем случае, «планом на два года». Особенно поражает поколение политиков и писателей, явившихся в обществе российском после 1991 года. Для них Россия — «молодое государство», равное по возрасту им самим. Не о таких ли малодушных индивидах давно писал А. С. Пушкин: «И средь дегей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он»? А так хочется «быть притчей на устах у всех».

Я не включаю в этот список писателей, состоявшихся ещё в советское время, по достоинству оценённых, из памяти не исчезнувших. Многие из них уже физически умерли, некоторые ещё живут. У них тёплая спина от советского прошлого, но печальные глаза, отражающие страдания души по поводу того, что сегодня вытворяется в России — в разгуле рыночных страстей, при которых продаётся не только рукопись, но и вдохновение. У писателя уходящего поколения есть нечто определённое и в мировоззрении, устойчивое в моральных принципах, самоотверженное в служении Отечеству, милосердное к женщинам и детям, к «братьям нашим меньшим». Они действительно профессиональные писатели, слуги народа без унижения. Они в исторической традиции того, что письменность и литература, начинавшиеся с клинописи за тысячи лет до нашей эры, всегда были связаны с Небом и Землёй, Океаном и Горами, Богами и Царями, с Героями, их подвигами во имя жизни и спасения людей от «злых Демонов и властителей царства мёртвых». Поразительно и то, что в эпических сказаниях так всесторонне и конкретно прописан труд на земле: возделывание полей и садов, орошение пустынных мест, осушение болот, превосходная ирригация.

И все сюжеты мировой литературы новой эры и предъудущего и нынешнего столетий фактически

скопированы с шумерской литературы, возникшей за четыре тысячелетия до нашей эры. Наука так и не установила этническое происхождение шумеров. Они создали на болотистой почве между Тигром и Евфратом процветающее благополучное царство, возвели локальную цивилизацию с прекрасной эпической мифологией, религиозной и светской литературой. Если их этническое происхождение неясно, то я думаю, что они были предками ариев, славян, русских людей, ибо только русские и поныне могут жить в сыром климате, на реках и болотах, в лесах, в Гиперборее. И русские былины (Илья Муромец и другие) имеют своими предтечами древнейшие шумерские повествования о Гильгамеше, совершавшем великие подвиги ради своего народа.

Высококультурных, трудолюбивых, миролюбивых шумеров (у русских такой же характер) завоевали дикие племена, спустившиеся с гор, расплодившиеся в пещерах. Эта критическая масса своей численностью захватила и погубила шумерское царство. Но вот исторический парадокс: захватчики усвоили шумерскую культуру, поразившую их оседлым мироустройством и культурой, переиначили только эпические сказания на свой «дикий вкус». Последовательно возникли Аккадия (её культура), Ассирия и Вавилон. Впоследствии и эти царства были завоёваны семитскими племенами (арабами и евреями). В шумерском эпосе есть представления о сотворении мира и человека, о Всемирном потоке и царстве мёртвых и всежизнейские ситуации о «почётном престоле», о царской власти, о супругах (муже и жене), их детях, о любви и смерти. По сути, библейская история потом унаследовала все эти идеи и образы. На их основе сформировались зороастризм, иудаизм, христианство, ислам и прочие.

Я решил напомнить о самой древней истории и культуре, чтобы обратить внимание нынешних людей на безыдейность, на отсутствие в литературе и искусстве нашего времени Величия бытия, а с ним и благородства Мужей, верности Материнства, высоких помыслов в служении Богам и Человеку. Так называемое «новое искусство» утилитарно. Оно гордится «произведениями» из мусора, который, конечно, хорош, но только в переработке для производства повторяющихся

изделий для бытовой надобности. Это современные технологические достижения — безотходное производство. Но оно и в древности было. Например, удобряли навозом поля для повышения урожайности. И вреда не было, как от современной химической промышленности.

Литература двадцать первого столетия — склочно-конфликтная, вся на бытовой основе, на криминале даже между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми. Как поётся в одной песне: «Увела тебя, увела — ну и что же тут криминального?» А ведь «увести» — это значит присвоить, взять в собственность чужого мужа. Артистка поёт эту песню с восторгом!

Нынче никто не может сказать, что является идеалом и нужен ли он. Авторитеты отсутствуют, подражать можно только моде, а она — блудница хуже, чем вавилонская. Все имеют «право голоса», и все безразличны друг к другу. То же среди писателей. Редко кто из них читает сочинения собратьев по перу, особенно пухлые романы, если в них нет крови и насилия. И отношение к русской классической литературе плёвое. «Анна Каренина», по выражению одной студентки, которую я слушал, — это «слюни». Виктор Ерофеев, будучи в Красноярске, рассказывал, как в Бельгии переведённый там его роман «Русская красавица» критиковали за то, что в нём «мало секса». Писатель сам боялся «перебора». Оказывается, «недобрал».

Эмоциональное восприятие современного читателя или зрителя атрофировано, им нужны повышенные раздражители: ненормативная лексика, о которой предупреждают на обложках книг и печатают в тексте (явное лицемерие), всякие чудовища и монстры, пришельцы из «космоса», фактически из травмированного человеческого сознания. Какими же примитивными представляются Адам и Ева, вкусившие яблоко! Объявляются «лидеры продаж»! Это главное мерило современного коммерческого успеха. Уровень художественности уже не столь важен.

Недавно я прочёл книгу американца Рамеза Наама «Нексус». Автор — специалист в области компьютерных технологий, руководитель отделения новаторских решений в компании «Микрософт». Этот научно-фантастический роман — первая книга компьютерщика. И он сразу отмечен двумя премиями в номинации «Лучшая книга года». В рекомендации книги читателю написано: «Экспериментальный препарат нексус-5, созданный с помощью нанотехнологий, таит в себе невероятный потенциал. Программа загружается человеку в сознание — и перед нами другая личность». Вот цель сочинения и эксперимента — сделать человека другим. В романе четыреста сорок пять страниц текста посвящены манипуляциям с этим препаратом нексусом, внедряемым экспериментатором в человека — в юную женщину

и других. За всем этим экспериментом следят органы безопасности США. Скучно и однообразно от множества повторяющихся научно-технических терминов. Меня развеселило одно место в романе. Соблазнённая экспериментатором девушка (что само по себе банально), придя в себя, воскликнула: «Ну ты козёл!» С моей точки зрения, это самое выразительное художественное слово в романе. Роман заканчивается утверждением: «Следующие десятилетия будут полны чудес, по своей невероятности превосходящих любые произведения научной фантастики». Возможно, возможно! Но мне почему-то до сих пор милей те представления о мире и людях, какие были у шумерских мыслителей, поэтов мифологии. Они не были столь технически занудными, как сегодня компьютерные фантасты.

В России пока ещё удерживается реализм литературы, пусть даже названный «новым реализмом». Я и «умственные» романы Пелевина принимаю только потому, что в них есть аналогии с реальной жизнью, несмотря на множество надуманных «лабиринтов и туннелей». Безоговорочно хорош писатель Захар Прилепин, особенное его роман «Обитель» и всё, им написанное в последнее время. Преимущество этого писателя перед всеми прочими в том, что он идеологически не застрял на прошлом и не очаровался настоящим. Он прозрел историю в её многомерных измерениях, осознал Человека как существо мифологическое и реалистическое, героическое и бытовое, восстанавливая образ человека-борца, воителя и даже богоборца. И сам, имея «опыт войны», опять стал Бойцом — на Донбассе.

Современная русская литература не ограничивается местом Садового кольца в Москве или Невского проспекта в Санкт-Петербурге. Она произрастает в социальном пространстве от Калининграда до Сахалина. Это подтверждается и философией ризомы, утверждаемой в Европе. Согласно такой философии, развитие и рост в растительности идёт не только от одного корня вверх, но и горизонтально. Тот, кто борется с одуванчиками на даче, не знает, что это — ризома: одуванчики опять растут и растут. И таких «одуванчиков» в провинциальной литературе не сосчитать и не перечитать. Количество явно преобладает над качеством. Тут один из законов диалектики (переход количества в качество) явно нарушается. Не только книги и книжечки, но и альманахи выпускаются даже в районных центрах. Само по себе это явление положительно гражданское, обусловленное всеобщей грамотностью и желанием самовыражения: «я тоже пишу». Афоризм философа Декарта: «Мыслю — следовательно, существую», — в наше время используется в оправдание существования, а сущность вроде и не обязательна. Как сказано в знаменитом романе Джойса «Улисс», «существую

без сущности». Всеобщее сочинительство—это устный и виртуальный Интернет. Повсеместным явлением стала сплошная компьютеризация. Нынче вместе с больничным листом выдают компьютерный текст по истории болезни на шести страницах и ещё диск с записью операции на сердце. Смотри, читай, удивляйся! Врачи тоже превратились в сочинителей и видеооператоров. Я имею этот личный опыт и благодарен врачам за продление существования.

Шумеры лечили не хуже, но у них была только клинопись, потом пергамент. Сохранились даже рецепты и заклинания, например, от зубной боли. Вот бы сегодня тысячам литераторов заняться этим полезным делом. Можете мне сказать, что есть экстрасенсы, хорошо «заговаривающие зубы и душу». Я и этот опыт имею. Одна экстрасенша обрадовала меня утверждением, что мой род—от графа Льва Толстого. Я, конечно, не поверил, но ведь лестно, и деньги заплатил.

Мы, литераторы, стали рассуждать о «провинциальной литературе» (в регионах страны). Понятие «провинциализм» имело когда-то территориальное значение, потом—как нечто отсталое, косное, домостроевское. Вот в Красноярске в издательстве «Буква» А. Стагейнова выпускаются сборники «Провинциальная проза». Он уверяет, что это доброе дело. Чтобы как-то освободиться от Московской кольцевой дороги и быть провинциально суверенными, надо обособиться и заявить о «лице с необщим выражением», как формирование местных элит. Мы—сибиряки-красноярцы. И это звучит гордо! Енисей—река свободы! Ещё лучше. Но тут есть вопросы.

На встрече с московским писателем Виктором Ерофеевым в Доме кино в Красноярске (март 2016 года) был задан вопрос: «Кого вы знаете из красноярских писателей?» Он задумался, потом ответил: «Астафьева...» Как к такому признанию относиться? Должен ли житель Москвы, тем более писатель, знать красноярских писателей? Среди них есть и члены ПЕН-клуба, но Ерофеев и их не назвал. Обидно, обидно! А между тем у каждого своя компания. Так в одном анекдоте ответил на лесопилке работник, когда его пытали, знает ли он Петра Ильича Чайковского. Сушная правда: все мы сегодня числимся в компаниях и не переживаем «за того парня». И нет сегодня таких книг, которые бы обсуждала вся страна. А когда я был студентом в Ленинграде, мы в общежитиях институтов бурно обсуждали напечатанную в «Новом мире» повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Событием были и выпуски поэтических сборников поэтов-шестидесятников. В 1979 году Андрей Вознесенский получил за свои стихи Государственную премию, а после этого с его участием возник альманах «Метрополь», вызвавший литературный и политический скандал. Инициатором «мирового

события» был влиятельный литературный критик Феликс Кузнецов, привлёкший внимание к альманаху партийных идеологов страны. Это ещё один пример злостного доносительства писателей на писателей. Задела эта «беда» и Красноярское книжное издательство, которым я руководил в 1979 году и подписал договор с молодым писателем Евгением Поповым на издание сборника его рассказов. Госкомиздат РСФСР запретил нам издавать эту книгу, так как Е. Попов был в числе авторов «Метрополя». Я, как директор издательства, принял решение о выплате автору гонорара по договору. А книгу мы не могли издать, потому что без штампа цензуры (крайлит) рукопись не приняли в типографии издательства «Красноярский рабочий». В апреле 2018 года при встрече с Е. Поповым на литературном фестивале «Книга. Ум. Будущее» («куб») в Красноярске мы вспомнили эту историю, посмеялись и дружески пообщались. Е. Попов подарил мне с добрыми словами три книги: «Аксёнов» (в соавторстве с А. Кабаковым), «Арбайт. Широкое полотно» (интернет-роман), «Самолёт на Кёльн» (рассказы).

Провинция прекрасна своей разнообразной самобытностью (и природной, и этнографической), в ней возникали и «литературные гнёзда» со своими «орлами». Их горный полёт обеспечивался региональными книжными издательствами, призванными тогда обязательно печатать произведения по месту жительства писателей. И гонорары платили, и авторы не бедствовали. И молодых, начинающих авторов прозы и стихов поддерживали. Была такая удобная для издателей форма издания—сборник «Встреча»: несколько авторских рукописей под одной обложкой, числившихся в плане как одна позиция, потому что количество авторских названий за один год ограничивалось, ведь план утверждался в Госкомиздате РСФСР. И расходы-доходы надо было просчитывать, и прибыль иметь, чтобы гонорар платить. Поэтому «Встреча»—хорошая издательская придумка, выводящая в литературный свет сразу несколько авторов. Кстати, и издательская печать так и обозначалась: «В свет!»—ставилась на рукописи, направлявшейся в типографию. И подпись директора издательства. Я этим занимался, поэтому ничего не придумываю, а говорю как было.

Провинция плоха тем, что в ней возникают «бои местного значения» между издателями и писателями и между членами писательской организации. Мне, как директору книжного издательства, приходилось отлаживать отношения между редакторами и авторами рукописей. Не всегда правы обе стороны, но забота была общая—качество произведения. Все известные красноярские писатели, живые и мёртвые, прошли эту «школу» и состоялись профессионально благодаря такому компромиссу. Думаю, что многие из тех,

кто называет себя сегодня писателями, выглядят слабее в сравнении с теми, кого в советское время редактировали. Я не веду речь о политической цензуре. Это отдельный вопрос.

К сожалению, в провинциальном «литературном гнезде» иногда высиживаются такие «птенчики», которые, став взрослыми «пташками», продолжают мстить издателям за жёсткие (в то же время и благожелательные) редакторские замечания.

Не обижался и не мстил за рецензию на сборник поэм Роман Харисович Солнцев. Я писал о нём в тот же период. Он согласился с моими замечаниями, снял из сборника «Да!» («Книга о любви и ненависти») две-три незавершённые поэмы, а остальные были напечатаны. И вышедшая замечательная книга с дарственной надписью была вручена мне. Я не хвалю себя и никогда не ждал благодарностей от писателей, но благородные из них всегда были добры к издателям. Роман Солнцев, став главным редактором журнала «День и ночь», несколько раз напечатал мои стихи и статью об академике М. Ф. Решетнёве без просьбы с моей стороны. И когда он работал в правительстве губернатора А. Вепрева, а я был «в отставке», у нас сохранились товарищеские отношения, независимо от сменившейся политики в стране. Я стал соавтором большой книги «Красноярский материк. Люди, дела, документы», составленной к изданию Романом Солнцевым. Думаю, что так и должны строиться отношения в среде интеллигенции. Философ Владимир Соловьёв говорил, что у того «дрянное сердце», кто враждует при разнице политических идей.

Но не таков сочинитель К. А. между тем он и по таланту (по «гамбургскому счёту») значительно уступает Роману Солнцеву.

Удивляет нас одно явление: в каждый период времени (в прошлом и в настоящем) в той или иной творческой организации вылупляется интриган, провокатор, клеветник, жалобщик, от которого никому «житья нет». По опыту многолетней деятельности в общении с интеллигенцией я видел таких типов.

Мне приходилось улаживать конфликты, длившиеся по несколько месяцев или даже по году: в театрах и творческих союзах Красноярска.

Был такой парадоксальный случай. Я мирил две враждующие группы «старых» и «молодых» в Красноярской организации Союза художников РСФСР. Секретарь партийной организации в коллективе художников Н. П. Лой, приехавший в Красноярск из Норильска, написал на меня, работника крайкома КПСС, жалобу «за непартийное поведение» и направил её в адрес двадцать седьмого съезда КПСС в Москве. Тогда была такая практика: во время работы съезда создавалась комиссия, собиравшая жалобы и предложения со всей страны. И всё это по ходу съезда

в оперативном порядке рассматривалось. Жалоба на меня в адрес партийного съезда проверялась на месте крайкомом КПСС. Была принята и одобрена моя правота. После этого в скором времени сами художники переизбрали секретаря партийной организации.

Другой случай. Перед моим приходом на должность директора Красноярского книжного издательства был затяжной конфликт между издателями и писателями. Я пришёл с поручением — наладить отношения. Опять, как и у художников, возмутителем спокойствия был секретарь партийной организации писателей К. Н. Шней-Красиков, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Он «держал оборону» перед издательством, защищая писателей-ветеранов. Молодые же писатели отстаивали свои интересы и сопротивлялись «старшим». Вопрос деликатный: как не обидеть писателей-ветеранов и отстоять справедливость по отношению к молодым писателям? К тому времени в Красноярск переехал Виктор Петрович Астафьев. К его мнениям все прислушивались: и писатели, и издатели. Известно, как относился он к «начальникам, генералам и политуправленцам» на фронте и в мирное время. К. Н. Шней-Красикова, фронтового политработника, В. П. Астафьев писателем не воспринимал. Я переговорил с В. П. Астафьевым, убедил его в том, что если мы издадим роман К. Шней-Красикова «На переломе», то всякий «шум» в отношениях стихнет, жалобы в высокие инстанции прекратятся. Компромисс между нами был принят. И мы роман напечатали. И действительно, отношения между писательской организацией, её партийным секретарём и издательством наладились. А К. Н. Шней-Красиков сказал мне, что я «достоин большей должности, чем директор издательства». Лесть, конечно, но судьба повела меня «выше».

Издательство под моим руководством впервые в своей истории получило переходящее Красное знамя Госкомиздата РСФСР за большие достижения в книгоиздании, девяносто процентов которого составляла художественная литература. Выпускались книжные серии «Писатели на берегах Енисея», «Современная сибирская повесть», «Города края», «Енисейский меридиан» и другие. Периодически издавался альманах «Енисей» с тиражом каждого номера в двадцать пять тысяч экземпляров. Я был заместителем главного редактора альманаха. Печатались стихи и статьи в альманахе до того, как стать директором издательства.

Мои добрые отношения с писателями возникли после моего приезда из Ленинграда в Красноярск в 1965 году. В 1968 году Красноярский краевой Дом народного творчества (я — его директор) вместе с книжным издательством выпустил первую книжку стихов «Поэзия дивных гор» — начинавших тогда

литературное творчество поэтов Дивногорска. Этот сборник ныне — библиографическая редкость, и его берегут в библиотеке города Дивногорска. В начале 2016 года на юбилее Владлена Белкина по случаю восьмидесятипятилетия со дня рождения мы вспоминали эту историю.

В завершающий период моей жизни, перед восьмидесятилетием со дня рождения, я опять попал в «тесные отношения» среди писателей, а в декабре 2017 года я стал председателем Красноярского регионального отделения Союза писателей России.

Письменные доносы в «инстанции», подлость, предательство — это изобретение низкосортных человек с комплексом неполноценности, обиженных на весь мир за то, что этот мир не признаёт в них величия. А откуда ему взяться? Из семидесятилетней истории СССР нам известно имя злодея — генеральной прокурора СССР Вышинского, сочинившего две формулы несправедного суда: «расстрел — мера воспитания» и «признание подсудимого — лучшее доказательство его вины». Признания добывались с помощью жестоких пыток (жестоки любые пытки). По доносам (с участием писателей двадцатых-тридцатых годов прошлого века) отправлено немало число самих писателей в царство мёртвых или в тюрьмы. Писателей в былые времена и вешали, и головы им отрубали (во Франции), чтобы «не думали».

Размышляя над судьбами погубленных писателей, я написал стихотворение:

Сколько в России убито поэтов?
Создать бы в их честь мемориал...
Они — пророки гражданского Света,
Кто их прочитал, тот и познал!
Познал человеческое предназначение —
Быть человеком превыше себя.
Любовь к человеку на попечение
Взять, всё живое в природе любя.
Как будто бы просто, а не получается.
Поэтов-пророков веди на расстрел —
Власть их боится, а народ сомневается
В том, что пророк вразумить их посмел.
Задним умом хомо сапиенс крепок,
Крестится поздно русский мужик.
Сыплют напрасно на голову пепел,
Когда уже вырван правды язык.
Убитым поэтам — посмертная слава,
Одно утешенье — память веков.
Вопрос остаётся: имеет ли право
Власть на убийство божественных слов?
И почему в Уголовный кодекс
За такое убийство не впишут статью?
Проведём референдум, отдадим свой голос,
Я сразу поставлю подпись свою!

На повестке дня и художественная литература, и её писатели. Чему они служат, и нужны ли они?

Является ли нынешнее писательство производительным трудом, или оно — одна из форм социальных спекуляций, приносящих и доходы словесному манипулятору? Я начал статью с запева о шумерской культуре и литературе. И могу повторить, что человечество, пожелавшее стать таковым, изначально разбоичено было высокими помыслами, идеалами, равными богам. А по истечении тысячелетий растеряло их и попало в абсурд бытия — «без божества, без вдохновения».

Когда великий поэт писал: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит», — масштаб-то какой, дух захватывает! Ф. М. Достоевский писал о «всемирной отзывчивости» русской души. Остаёмся ли мы такими? Или мы отзываемся только на импортные товары, на биржи и акции? В одной из своих «Заметок каждого дня» Анатолий Зябрев сокрушается: «Все одеты как бы, все обуты как бы, а ощущение — в яме». Чужая душа — потёмки. А наша? «Что день грядущий нам готовит?» Читают ли тех, кто пишет о хлебе насущном в повседневности?

В «Заметках каждого дня» («Красноярский рабочий», 15.02.2017) Анатолий Зябрев в очередной раз слушал по телефону двухчасовой монолог «друга из Германии», пытаюсь вставить словечко... Меня привлёк в заметке следующий текст: «Я уже не раз писал, что, как многие российские немцы (то есть русские), Бренинг вернулся на историческую родину. Вся его семья. Всем там дали работу, всем дали пособия, всем дали жильё... Данный факт я сравнивал с российской ситуацией. Вернулись русские, не из ближнего зарубежья, а с дальнего, не бывшие граждане СССР, а из тех, которые оставили Россию ещё до советского времени. Колонией они вернулись. Им дали в Приморье в аренду землю, они построили себе дома, вырастили рекордный урожай сои и арахиса, а так как местная власть не помогала реализовать продукцию, они печально разорились. И вся колония собралась теперь уезжать обратно, в зарубежье, в какой-то Уругвай, куда их зовут, обещая создать все условия для хорошей им жизни. Оказывается, за рубежом русские умеют хорошо работать, и их за это там любят».

Немец (русский) Бренинг отзывался на заметки сибирского писателя Зябрева, латиноамериканцы привечают этнических русских, а русские в России сами себе враги. А сколько словес о «соборности», о «коллективистском типе общества», о проклятиях индивидуалистическому Западу! Недавно в краевой универсальной научной библиотеке чувствовали за «круглым столом» покойного профессора-философа, всю жизнь потратившего на «борьбу с метафизическим Западом». Признаю его большие научно-философские способности, содействовал ему в работе на заведовании кафедрой, ведь я-то был деканом гуманитарного факультета.

Я и сам писал о «соборности русских» в силу их вынужденного географического положения в плохом климате. Но я всегда и сомневался в добровольной коллективистской готовности русских на «общее дело» (по разумению философа Н. Фёдорова). Русские сплачиваются только при большой опасности, грозящей прекращению рода нации. А какой народ этого не делает? В мирной жизни русские скорее склонны к плохой дисциплине, даже к анархии, лишь бы не «подчиняться начальству». Это свобода какого-то особого рода, но не коллективный тип общества. По тому, как русские устремились к современной частной собственности, видно, как русские могут быть выдающимися индивидуалистами. И в Российской империи до 1917 года знаменательно было русское предпринимчивое купечество, ценившее устную торговую договорённость выше письменного соглашения и предусматривавшее право на «недельный запой». У русских к бумажным делам всегда недоверие. До сих пор! Сколько среди русских «обманутых вкладчиков»? Коллективизм ли это? «Русская правда» и совесть — постоянное напоминание самим себе о том, что нехорошо обманывать, «не по чину брать», следовательно, в этих нравственных принципах ощущается дефицит, как и в качественных товарах.

Я всегда буду защищать родной народ, великое Отечество, но негоже слепнуть при взгляде на многие наши неурядицы, разгильдяйство, безответственность, на «пофигизм», на отказ «работать на Пушкина». Русские постоянно жалуются на то, что «чужаки» у них власть отбирают, в благополучии объежоривают, а сами, по известной поговорке «моя хата с краю, я ничего не знаю», на политические выборы не ходят, за капремонт платят, зная, что капремонта не дождутся, как коммунизма. Обратим внимание на выборы сорок пятого президента США Д. Трампа. Какие общественные страсти кипели, даже продолжались и после завершения выборов! И такое деется не в «коллективистском» государстве?! В США и в Европе огромное количество общественных фондов с добровольными пожертвованиями. Даже бродячих животных благоустраивают. А у нас писатели — охотники-промысловики живут тем, что убивают в тайге «всех пушистых» и при этом восхищаются красотами природы. Да простят меня литераторы, но промысловая охота писателя и восхищение пейзажами напоминает гитлеровцев-фашистов, которые после «трудового дня» по сжиганию людей в печах приходили домой, гладили по головам своих детей и поливали цветочки. Писатель-фронтвик В. П. Астафьев после войны не мог убивать животных (много крови), переключился в основном на рыбалку, на «холодных» существ. У них нет печальных, наполненных болью глаз, как у горячекровных. В одном из рассказов С. Задерева нравственно измученный

герой после убийства коз выдохнул: «Небо падает». Изумительная метафора! Вся история русской литературы изобилует примерами милосердного, порой мучительного переживания в отношениях с домашними и лесными животными. Вспомним хотя бы строчки Сергея Есенина про «рыжих семерых щенят», которых хозяин собаки «положил в мешок», чтобы унести и утопить. И — «покатились глаза собачьи золотыми брызгами в снег» от муки расставанья со щенками. Этот гениальный поэт завещал на все времена «не бить по головам братьев наших меньших». В сборнике А. Третьякова «Время — гениальный часовщик» есть стихотворение «Аллегория». Поэт признаётся, что после прочтения стихов на встрече в одном степном посёлке его пригласили посмотреть цеха, где убивают животных и обдирают. Поэт отказался! Анатолий Зябрев уже несколько раз писал о Дине, собаке-красавице, выросшей из щенка, подобранного писателем на даче в посёлке Борск. В Путин своим указом запретил истреблять родившихся детёнышей от нерп на берегах Северного Ледовитого океана. О защите нерп писал и Евгений Евтушенко, ярый противник участия поэтов, писателей в убийстве животных. В этом мы с «шестидесятником» согласны.

В мировой Красной книге существуют запреты на истребление многих птиц и зверей. Человечество подошло к такому рубежу «прогресса», когда звери стали жить среди людей, а в древности было наоборот. Шумеры и другие народы потом даже обожествляли диких зверей и одомашненных из их числа. Вся мифология построена на параллелях «мы и они». В древнегреческой мифологии родились образы кентавров — голова человека и туловище коня — как единство разума и природной силы. Конь-огонь! Сколько сказок и повествований о нём! Умны они необычайно. У Алексея Бондаренко (из Енисейска) в одном рассказе поведено о коне, пришедшем на кладбище на похороны хозяина. Никто его не вёл, сам явился. Казаки, основавшие Красноярск, относились к лошадям как к членам семьи. Такие доброта и забота были в семье Суриковых.

Помню в детстве, как дорогого для меня дядю Витю (Виктора Прохоровича Иванова) лошадь, запряжённая в сани, доставляла из районного центра в родную деревню, прямо к дому. Дядя иногда «согревался» в районной чайной, выходил, ложился на сено в сани, говорил: «Пошёл, дорогой...» Виктор Прохорович заведовал конфермой, обожал лошадей, никогда их не бил. Для любимого коня-красавца он припасал в кармане фуфайки угощение — кусок хлеба или горсть овса.

Сколько душевных свидетельств о поразительной верности собак, об их исключительной памяти, о возвращении домой за десятки километров от тех мест, где их иногда, по несчастью, теряли.

Особенно умны дворовые собаки в городах. Сама трудная жизнь их выучивает. В настоящее время в Красноярске не видно собак на улицах. Я невольно оглядываюсь: куда подевались? Плакать хочется от благодарности волонтерам, когда читаешь, как они спасли попавшую в беду собаку. Однажды я прочитал о том, что в Стамбуле было много голодных тощих собак. Художник, кажется из Парижа, посвятил им большую картину. Власть Стамбула, устыдившись, переловили всех собак и вывезли на необитаемый остров в море. Собаки погибли. Художник, узнав об этом, покончил жизнь самоубийством. Он посчитал себя виновным в гибели друзей человека. Из рассказов Михаила Тарковского знаю, что охотники-промысловики иногда убивают своих собак, отслуживших срок на охоте. А ведь могли бы создать сообщество питомник, держать в нём заслуженных добытчиков, навещать их и кормить — до естественной смерти.

Человек и Природа — вот остросовременная тема философии, культуры и литературы. Для меня сегодня научно актуально единство культурологии и экологии. Бравада нигилиста — «природа не храм, а мастерская» — нравственно неприемлема. Природа, как писал поэт-философ Фёдор Тютчев, не «бездушный лик», «в ней есть любовь, в ней есть язык». Сколько жизненных сил потрачено на спасение Байкала выдающийся писатель Валентин Распутин! Сибирь — его родная земля, поэтому он о ней так заботился! В. П. Астафьев и В. Г. Распутин жили в стихии родного языка (у В. П. А. даже записных книжек для такой цели не водилось), поэтому им незачем было заниматься «крохоборством». Их литературное мастерство одухотворялось прежде всего нравственными императивами, тем, что философ И. Кант называл «чудом во мне». Без чуда народной морали литература — пустышка, не спасут её от ущербности никакие «словечки». «Любите всё живое, и вам воздастся!» — завет старца Зосимы из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы».

Особенно дорог язык писателя, если он милосердный, добрый, духовно музыкальный. Об этом мы не раз говорили при общении — Анатолий Зябрев и я, читатель его «Заметок каждого дня». Писатель много раз повторял, что написанное должно быть «Текстом»! Литературным Текстом. Об этом говорил и В. П. Астафьев на «Литературных встречах в провинции» в родной для него Овсянке. А ветеран литературы Анатолий Ефимович Зябрев трудится над текстом «Заметок...» действительно каждый день на девяносто четвёртом году жизни, продлевая это бытие (в отличие от существования) на годы вперёд. Однажды он мне признался в том, что, создавая Текст в настоящем, он думает и о будущем: как написанное будет читаться завтра и послезавтра. А как же иначе?

Однодневки-мотыльки, может, приносят деньги, но сущности в человеке не содействуют.

Все выдающиеся произведения литературы являлись наисовременнейшими, потому и становились общественным событием, затрагивали умы и сердца тысяч и миллионов людей. И парадокс в том, что чем современной книга в прошлом, тем интереснее и необходимее она сейчас. Так появляются литературные герои на все времена в мифологии и в реализме. Каждый человек может сочинить нечто о себе (о насморке, например), но скажите такое, чтобы оно захватило всех не гриппом (коллективизм эпидемий вреден), а мировоззрением, спасающим бытие на пути в «прекрасное далёко».

Утверждение А. Зябрева о ненужности «романов» категорично, но оно отражает изменение самого романного жанра. Длинное классическое повествование с неспешным развитием сюжета (мужчина и женщина не целовались «на первой странице») в наше время неприемлемо, потому что «времени мало», а познать надо многое. Мужчинам и женщинам некогда читать, они на «конкурсах» и «кастингах». Новые жанры в литературе «ускоряют время», поэтому повествования превращаются или в притчевые сказы, или в триллеры, или в фантастику, или в философскую эссеистику, хотя философия в кризисе.

Примером повести-притчи (или романа) является книга С. Кузичкина «Двадцать лет и одна ночь. Избранники ангела». В этом сочинении символика «людей и ангелов».

Возвращаясь к вопросу о литературном Тексте, я вспомнил о романе Джойса «Улисс». Это философски-притчевый роман, с нескончаемым потоком сознания, с бытием людей в повседневности, уводящей героев то в античные времена, то в далёкое будущее. И весь текст в изложении романа пронизан иронией, насмешками над житейскими (обыденными, философскими, религиозными, научными, любовными) смыслами. Именно Смысл бытия — главный стержень «Улисса». Вот как оценила этот шедевр Анна Ахматова: «Изумительная книга. Великая книга... Вы не понимаете её потому, что у вас времени нет. А у меня было много времени, я читала по пять часов в день и прочла шесть раз. Сначала у меня тоже было такое чувство, будто я не понимаю, а потом всё постепенно проступало, знаете, как фотография, которую проявляют. Хемингуэй, Дос Пассос вышли из него. Они все питаются крохами с его стола». Изумительно сказано! Чтение не из лёгких. Трудность восприятия обусловлена множеством названий мест и имён, тяжело произносимых на русском языке. И смыслы — такие плотные, содержательные...

Вот два примера Текста из «Улисса»:

«А не приял ли он сию участь, умерети и исчезнути, подобно прочим? Инде ни в какую не приял

сего еще и должен был, ниже приять умножати зраки себе подобны, по обычаю яко у мужей с жёнами, о том же заповедал им Феномен через книгу Закон. Не ведал он ничесоже про землю иную, глаголемую Веруй-в-Мя, землю обетованную идеже царствует царь Блаженство ныне и присно и во веки веков, и несть тамо смерти ниже рождения и несть замужства и материнства, и собраны будут тамо вси, кто верует в то? То правда, Благочтив ему сказывал про землю ту, а Целомудр указал и путь в оную, однако случися тут, яко стала ему пути сего поперёк некая блудница зело прелестна, назвалась же она Пташка-в-Руках, и лстивыми речами уклонила его с пути истинна, глаголя, Эй, красавчик, а заверни-ка сюда, покажу райское местечко, и се ласкательствами и лестию залучила его в вертеп свой, прозываемый Гнёздышко-в-Кустах, аведующими глаголемый Плотское Похотение.

Сего-то и алкало то собираше, засевшее Чертог Материнства, и доведися им повстречати сию блудницу Пташку-в-Руках (а была она гнездилище всех язв и чудищ и козней диавольских) и они бы готовы из кожи лезти точию бы ея достигнути и познати. Нашот же Веруй-в-Мя они возглашали яко сие есть точию мудрование и в помыслах своих никогда оного не имели понеже, первое, Гнёздышко-в-Кустах, куда она всех заманивала, было столь прелестно местечко и убрано четырьмя подушечками, и на тех подушечках четыре ж билетика, на коих выставлены сии слова, Рядышком, Бочком, Рачком, Язычком, и второе, понеже та язва Сифилла и чудища их нимало не утрашали, коль скоро был у них щит надёжен Презерватив из бычьего пузыря, а во-третьях, понеже и козни дивольские, сиречь зарождение Отпрыска, такожде чаяли они отразить тем щитом, ему же иное прозвание Детогуб. И се убо все они были там в ослеплении хотения, сударь Придира и сударь Притвора и сударь Раз-в-Году-Набожен и сударь Троглодит-Пивоглот и сударь Петиметр Диксон и Юный Бахвал и Доброхот Благоразумен».

И вот другой «научный смысл» романа:

«Целесообразно указать здесь же, в самом начале, что извращённый трансцендентализм, к которому суждения мистера С. Дедала (Скеп. Богосл.) показывают его неизлечимое, по всей видимости, пристрастие, идёт целиком вразрез с установившимися научными методами. Наука, это необходимо подчёркивать беспрестанно, рассматривает лишь чувственные феномены. Человек науки, как и любой смертный, должен исходить из самых обыкновенных фактов, которые нельзя обойти, и должен пытаться дать им наилучшее объяснение. Имеются, совершенно верно, отдельные вопросы, на которые наука ещё не нашла ответа,— как, например, первая из проблем, поставленных мистром Л. Блумом (Рекл. Аг.), то есть проблема предсказания пола младенца. Должны ли мы принять

точку зрения Эмпедокла из Тринакрии, согласно которой правый яичник (по иным утверждениям, в постменструальный период) обеспечивает рождение мальчиков, или дифференцирующими факторами служат столь долго недооцениваемые сперматозоиды, иначе немаспермы, или же, как склонны полагать многие эмбриологи, в частности Калпеппер, Спалланцани, Блюменбах, Ласк, Хертвиг, Леопольд и Валенти, имеет место и то и другое?»

Достаточно и этих цитат, чтобы показать, насколько плотен текст «Улисса» с его длинными фразеологическими оборотами. Подобное было, наверное, только у Гомера и Льва Толстого. При чтении Джойса голова напрягается необычайно. Требуется внимание и вдумывание. Поэтому современному читателю предлагается лёгкое чтение, чтобы «не устать».

Почему же я сравниваю Текст Анатолия Зябрева с Текстом Джойса? Я не уравниваю этих писателей, даже сравнение их может показаться неправомерным, преувеличенным по роли в мировой литературе. Кому как угодно. Я обращаю внимание на Смыслы Текстов, над которыми задумываешься, останавливаешься в чтении и спрашиваешь: «Что это? „Куда несёт нас рок событий“, и чего хотят писатели? Или ничего не хотят, кроме приглашения думать вместе?» Анатолий Зябрев выпустил уже пять книг «Заметок каждого дня», готовится следующая книга. Сколько их будет в итоге? Но, сложенные вместе, они представляют бесконечное течение событий, не замыкаемое одним днём, и ассоциируются с «Улиссом» Джойса— романом без окончания, как и эпос «Одиссея» Гомера или шумерские сказания.

Вопрос о Смыслах современной литературы: бытие или существование? Быть «любезным народу» (А. С. Пушкин) или производить словесную мякину, товар с душком, «осетрину второй свежести», описание охоты и рыбалки без печали о загубленных прекрасных созданиях природы на пошив пушистых воротников и шуб? Человечество накопило социальные ресурсы и может оплачивать переливание из пустого в порожнее, толочь воду в ступе, работать спустя рукава, коптить небо, лежать в Гнёздышке-в-Кустах, петь песни «чем выше любовь, тем ниже поцелуй», отбирать детей у родителей по причине воспитательного мамино шлепка по попке малыша. А в чём же Смысл жизни? По моему разумению, это— самая главная категория Культуры с шумерских времён. Кто не обременён Смыслом Бытия, тот— паразит существования, лицемер креатива. Замыливание понятия о Народе приводит к словесному обслуживанию черни, к упоению наркотиками рыночной коммуникации, к «пачканью бумаги», а следовательно, и к вырубке лесов, к убийству всего живого мира. Литература без Смыслов— абсурд существования.

Обычный человек не замечает того, что он — «исторический». Когда по улице идёт женщина и ведёт, держит за руку ребёнка, то мысль наша воодушевляется: Надежда на будущее есть! То же настроение появляется, когда видишь влюблённую пару, когда юноша и девушка держатся — ладошка в ладошке. И невольно думается, по обстоятельствам времени: удержат ли они в себе Смыслы Любви — на всю жизнь, будет ли отцовство и материнство — как истинное призвание в Природе, на Земле и в Небесах, с вечным обращением к Богам?

Я начал свои размышления с упоминания о культуре Шумера (четвёртое тысячелетие до нашей эры), о наследовании её в культурах Аккадии, Ассирии и Вавилона. Приведу текст одного выдающегося произведения, чтобы показать нашу связь с его Смыслами, что остаёмся озабоченными давно сказанным и современную литературу надо ценить за переключку с вечными Смыслами, их Мудростью.

«Владыку мудрости хочу восславить...»

*Из средневавилонской поэмы
о невинном страдальце*

Только жить я начал — прошло моё время!
Куда ни гляну, — злое да злое!
Растут невзгоды, а истины нету!
Воззвал я к богу — лик отвернул он,
Взмолился богине — главы не склонила,
Жрец-прорицатель не сказал о грядущем,
Вещун волхвованьем не выяснил правды,
Ясновидца спросил — и он не понял,
Обряд заклинателя не отвёл моей кары.
Но что за дела творятся в мире!
Я в грядущем зрю гоненья и смуты!
Как тот, кто молитвой не славит бога,
В трапезы час не чтит богиню,
Не склоняется ниц, не бьёт поклоны,
Чьи уста забыли мольбы и молитвы,
Кто священные божьи дни не приветил,
Кто в небреженье презрел обряды,
В почтенье и страхе не вёл свою паству,
Богиню оставил, муки ей не сыпал,
Беспечно забыл своего господина,
Бездумно клялся святою клятвой —
Так я ниспровергну!
А ведь я постоянно возносил молитвы!
Мне молитва — закон, мне жертва — обычай,
День почтения бога — мне радость сердца,
День шествий богини — и благо, и польза,
Славить царя — моё блаженство,
Песнопенья святые — моё наслажденье!
Я страну призывал соблюдать обряды,
Чтить богини имя учил я народ мой,
Я славил царя, равнял его богу,
Почтенье к творцу внушал я черни.
Воистину, думал, богам это любо!
Но что мило тебе, угодно ли богу?

Не любезно ли богу, что тебя отвращает?
Кто же волю богов в небесах постигнет?
Мира подземного кто угадает законы?
Бога пути познаёт ли смертный?
Кто был жив вчера, умирает сегодня,
Кто вчера дрожал, сегодня весел.
Одно мгновенье он поёт и ликует,
Оно прошло — он горько рыдает!
Как день и ночь, их меняются лики:
Когда голодны, лежат, как трупы,
Наелись — равняют себя с богами!
В счастья мнят себя на небе,
Чуть беда, — опустилися в мир подземный.
Вот что воистину непостижимо!
На меня ж, бедняка, налетела буря,
Злая болезнь надо мною нависла,
Смерч поднялся из-за горизонта,
От земли отделилась Немочь,
Жестокий кашель покинул Бездну,
Дух подземный Экур оставил!
Выскочила из горы демоница,
Лихорадка — из бурных потоков!
С травой проросло бессилие тела.
Подобно войску меня настигли,
Ударили в голову, сжали череп.
Во мраке лик мой, рыдают очи,
Затылок разбили, скрутили шею,
Рёбра пронзили, грудь зажали,
Поразили тело, сотрясли мои руки,
Жар запалили они в моём чреве,
Нутро наполнили ознобом и дрожью,
Воспалили язык мокротой лёгких,
Лихорадкой жир согнали с тела!
Мощный, — как стена, я разрушен.
Крепкий, — как тростинка, я согнут,
Словно камыш, — я вырван и брошен!
Демон в моё облачился тело,
Словно сеть, опутало оцепененье.
Отверзты, да не видят — очи,
Внимают, да не слышат — уши,
Изнуренье овладело плотью.
Сотрясение поразило тело.
Окостенение сковало руки,
Бессилие охватило чресла,
Движение позабыли ноги.
Я сражён ударом, я прикончен горем,
Близкая смерть мне лицо прикрыла,
Заклинатель позвал меня — мне не ответить,
Вокруг рыдают, а я без сознания,
Уста мои узда стянула,
Удила в мои вонзились губы...
Голоден я, но стянута глотка!
Мне хлеб на вкус что сорняк вонючий,
Опротивело пиво, человечья радость,
Воистину, нету конца недугу!
От голода изменился лик мой,
Дряблое тело кровь покидает,
Я голый остов, покрытый кожей,

В лихорадке тело, охвачено дрожью.
Недуг приковал оковами к ложу,
Я заперт в темницу собственной плоти,
Руки-плети—путь для тела,
Тело—узы для ног бессильных!
Тяжёл удар, бичеванье жестоко,
Бич, что свалил меня,— в острых колючках,
Плеть, что хлещет,— в шипах жестоких,
День напролёт меня гонит гонитель,
И глубокой ночью не даёт передышки!
Не повернуться— разошлись сухожилия,
Отделились все члены и брошены рядом!
В своих испражненьях, как бык, я валяюсь,
Словно баран, лежу в нечистотах!
А ведь мой недуг изучал заклинатель,
Жреца-прорицателя смутил оракул,
Ни один целитель не понял болезни,
Срока страданий не назвал ясновидец!
Не вёл меня за руку бог, мой заступник.
Не была благосклонна ко мне богиня!
Знать, могила близка, готов мне саван,
Я не умер ещё, а уже оплакан!
Вся страна восклицает: «Погиб он, горе!»
Враг мой слышит— светлеет ликом,
Ненавистница слышит— ликует сердцем!
Угасает день для всех моих близких,
Для друзей моих закатилось их солнце!

Читая такие произведения сегодня, поражаешься тому, что уже шесть тысяч лет тому назад всё бытие осмыслено и выражено кратко, но выразительно настолько, как будто это о наших страданиях: и ныне, и присно. Учиться и учиться нам надо у древних мыслителей: выражаться философски ёмко, не растекаясь мыслию по древу, не тянуть резину «бесконечного диалога», не размазывать масло по дороге, не завешивать горизонт шкурами убитых зверей и не получать за это литературные премии, потому как аморально, немилосердно, тошно.

Мои суждения не бесспорны, не есть истина в последней инстанции, да её и нигде нет, как и сказано в приведённом вавилонском монологе одного, даже не бедного, страдальца. Плохо то, что нас захлёстывает словесный поток глобального безумства, а нам кажется, что творим и плывём «по адресу». Но куда? Что написано пером, не вырубишь топором. Слово не воробей, вылетит— не поймаешь. Не произносите имени Господа своего всуе. Суета сует и томление духа. Кажется, что суета принята за Бытие, а на самом деле— существование на всеобщее пособие по духовной безработице. Не всё, конечно, так мрачно. Что-то наклёвывается. Главное— убережь молодых людей от бессмыслицы, от энтропии Духа, от хаоса на Земле и в Космосе. Древние мыслители нам помогут!